

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЧЕРЕЗ ОБУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОМУ СТИЛЮ КОММУНИКАЦИИ¹

Т.В. Ларина

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается проблема коммуникативной лингвокультурной интерференции, которая существенным образом осложняет процесс межкультурного общения. С целью ее предупреждения в ходе преподавания иностранных языков предлагается уделять особое внимание обучению национальному стилю коммуникации и факторам, формирующим его, — различиям в типах культуры, культурных ценностях, в стратегиях вежливости. Данный подход способствует улучшению понимания, преодолению этноцентризма, адаптации к инокультурному контексту и в целом к формированию межкультурной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, этноцентризм, коммуникативная интерференция, межкультурная коммуникативная компетенция, национальный стиль коммуникации.

Многочисленные исследования по проблемам межкультурной коммуникации, проводимые как в нашей стране, так и за рубежом, убедительно показывают, что сложности в общении представителей различных культур возникают из-за национально-культурных особенностей их поведения, как вербального, так и невербального, которые далеко не всегда находят верное понимание. Общаясь на родном языке, человек совершает те или иные действия интуитивно, следуя нормам и традициям, освоенным им в процессе социализации, которые представляются ему единственно правильными. Действия партнера по коммуникации он также оценивает с позиций своей культуры, т.е. с позиций этноцентризма, не осозна-

---

¹ Статья подготовлена в рамках инициативной темы НИР Межкультурная коммуникация: лингвистические и психологические аспекты.

вая того, что в других культурах в подобных ситуациях общения люди могут вести себя по-другому, у них может быть иное представление о целесообразности, уместности совершения тех или иных коммуникативных действий, о вежливом и невежливом поведении. Таким образом, имеет место лингвокультурная интерференция, точнее, коммуникативная лингвокультурная интерференция, которую можно определить как вмешательство факторов родной культуры, языка и национального сознания в интерпретацию инокультурного коммуникативного поведения и в собственное поведение при межкультурном общении [4. С. 185]. Другими словами, это перенос национально-культурных стереотипов поведения, характерных для родной лингвокультуры, на процесс общения с представителями иных лингвокультур.

Для иллюстрации приведем несколько примеров. Буквально переведенная на английский язык конвенциональная русская фраза *Вы сейчас выходите?* (в транспорте) — *Are you getting off?*, кажущаяся уместной русскому человеку, вызывает недоумение англичан, поскольку в английской культуре, где личная независимость является одной из важнейших ценностей, подобный вопрос воспринимается либо как бестактность, либо как приглашение к знакомству. В подобной ситуации принято не спрашивать другого о его планах и намерениях, а говорить о своих, т.е. вместо *Are you getting off?* (*Вы сейчас выходите?*) говорят *I am getting off* (*Я выхожу*) либо ограничиваются формулой привлечения внимания *Excuse me*. Команды английского учителя *Ann, would you like to read?* или *Would you like to write this exercise?* (букв. Аня, хотела бы ты почитать? / Хотели бы вы написать это упражнение?), русскими учащимися, привыкшими к прямым указаниям учителя (*Аня, читай / Пишите это упражнение*), часто воспринимаются не как команда, а как вопрос об их предпочтениях и могут вызвать отрицательный ответ, что воспринимается в данном коммуникативном контексте как грубость.

Непонимание либо неверная интерпретация коммуникативных намерений собеседника часто приводит к коммуникативным неудачам, сбоям и даже конфликтам, т.е. существенно осложняет процесс коммуникации. При этом если говорить о вербальной коммуникации, то важно отметить, что несоблюдение правил использования языка, установленных в данном языковом коллективе, имеет гораздо более существенные негативные последствия, чем нарушение правил грамматики. В общении с иностранцами люди легко прощают грамматические и лексические ошибки, так как объясняют их недостатком лингвистических знаний собеседника, однако очень чувствительны к нарушению этикетных норм, так как полагают, что они были нарушены преднамеренно.

Интерпретация поведения представителей других культур, как и собственное поведение в межкультурном общении, должны основываться на признании и понимании культурных различий. В связи с этим целесообразно уделять повышенное внимание лингвокультурологическому аспекту как одному из основных в методике преподавания иностранных языков. При этом недостаточно ограничиваться информацией о существующих различиях, а также работой над выработкой навыков и умений построения отдельных фраз, важно, чтобы учащиеся понимали, почему совершаются или не совершаются те или иные действия и почему именно

так, а не иначе оформляются те или иные высказывания. Другими словами, необходимо добиваться того, чтобы процесс обучения иностранному языку, а в дальнейшем его использованию был осознанным.

Для достижения этой цели представляется необходимым уже на начальном этапе обучения иностранному языку снабжать учащихся знаниями культурного характера, касающимися особенностей социально-культурной организации общества, культурных, в том числе коммуникативных, ценностей, менталитета носителей изучаемого языка, основными доминантами их общения, с тем чтобы они могли интерпретировать поведение других через призму не своей, а иной культуры, иного сознания и, соответственно, оказавшись в инокультурной среде, сами действовать по ее законам и традициям. Большое значение для успешного овладения спецификой коммуникации на изучаемом языке, как показывает опыт, имеет знакомство с национальным стилем коммуникации.

Основная трудность, с которой мы сталкиваемся в межкультурном общении, заключается не в том, что люди говорят на разных языках, а в том, что, как было показано в приведенных примерах, они пользуются языком по-разному: в однотипных ситуациях общения часто совершают разные коммуникативные действия, руководствуясь различными стратегиями и используя для их реализации различные языковые средства. Регулярное осуществление тех или иных действий приводит к формированию коммуникативных черт, в более широком плане — коммуникативных доминант, совокупность которых образует национальный стиль коммуникации (или коммуникативный этностиль) — исторически сложившийся, предопределяемый культурой и закреплённый традицией тип коммуникативного поведения народа, проявляющийся в выборе и предпочтительности определенных стратегий и средств коммуникации (вербальных и невербальных), используемых в процессе межличностного взаимодействия [5. С. 8].

Стиль, как известно, формируется под влиянием экстралингвистических факторов — тех явлений внеязыковой действительности, в которых протекает общение. Важнейшим экстралингвистическим фактором, определяющим национальный стиль коммуникации, является тип культуры. Особенности культуры побуждают ее носителей излагать свои мысли четко либо допускать двусмысленность, быть предельно лаконичными либо многословными, свободно проявлять эмоции либо сдерживать их, строго соблюдать дистанцию в общении или пренебрегать ею и т.д. То, что характерно для одной культуры, часто неприемлемо для другой. Именно поэтому известные максимы П. Грайса, сформулированные для индивидуалистических, узкоконтекстных культур (*low context cultures*, в терминах Э.Холла), как и правила вежливости Дж. Лича, не могут быть в той же степени применимы к коллективистским, ширококонтекстным культурам (*high context cultures*) (1), в частности к русской, поскольку такой тип культуры предопределяет другие коммуникативные особенности, формирует иной стиль коммуникативного поведения.

Важно отметить, что между вербальными и невербальными средствами коммуникации, которым отдается предпочтение в той или иной коммуникативной культуре, прослеживается явно выраженная взаимосвязь, на что неоднократно ука-

зывалось исследователями и что свидетельствует о системности коммуникативного этностиля. Так, характерная для англичан пространственная дистанция (большее, чем у русских, расстояние при общении, недопустимость прикосновений, похлопываний, поцелуев и т.д.) находит отражение и в соблюдении вербальной дистанции: они избегают оказания прямого коммуникативного воздействия (одной из особенностей английской коммуникации является строгое ограничение на употребления императива как наиболее «опасной» грамматической формы), всячески смягчают свое воздействие, не дают непрошенных советов, не делают замечаний, не перебивают и т.д. Русские, для которых характерна гораздо меньшая дистанция общения, легко ее нарушают, чем заслужили репутацию резких, грубых, невежливых людей (подобное восприятие русских характерно главным образом для представителей западных культур).

Еще один пример, свидетельствующий о связи вербального и невербального поведения: поклоны, используемые при приветствии и прощании в восточных культурах и демонстрирующие уважение к собеседнику путем собственного принижения, повторяются в стратегии «личного умаления», самоуничижения и на вербальном уровне. Пример из личного наблюдения, являющийся яркой иллюстрацией к сказанному: на научной конференции в Москве докладчик из Кореи закончил свой доклад неожиданной для русской аудитории фразой «Простите за мой скудный и безынтересный доклад», которая в прагматическом аспекте содержала вовсе не оценку его доклада. Преуменьшив личные достижения, отрицательно охарактеризовав свое выступление, он, следуя важнейшим восточным культурным ценностям, продемонстрировал скромность и уважение к присутствующим. Его поведение полностью соответствовало корейской системе вежливости, где, принижая себя, говорящий возвышает собеседника и таким образом демонстрирует вежливость по отношению к нему. Данная фраза явилась своеобразным «вербальным поклоном» перед аудиторией, который не был ею понят и вызвал смех в зале.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что можно говорить о двух взаимодополняющих подстилях — вербальном и невербальном, в совокупности образующих национальный стиль коммуникации.

Основу описания национального стиля коммуникации составляют разноплановые параметры, связанные с социокультурными, аксиологическими, социолингвистическими, психолингвистическими, лингвистическими и другими характеристиками (как количественными, так и качественными):

— социокультурные (дистантность / контактность; ориентированность на статус / ориентированность на личность, симметричность / асимметричность отношений и др.);

— аксиологические (приоритетные ценности данной культуры, влияющие на процесс коммуникации: личная автономия или интимность, уважение к статусу или равенство; правда, искренность или сохранение лица, молодость или старость т.д.);

— социолингвистические (субъектно-объектная ориентированность коммуникантов; степень допустимости прямого коммуникативного воздействия; прямолинейность / косвенность; степень формальности / неформальности (демократичности) в общении и др.);

— психолингвистические (эмоциональная сдержанность / эмоциональная открытость, направленность и функциональная значимость эмоций, степень речевой экспрессивности);

— лингвистические (наличие, выбор и предпочтение тех или иных языковых средств, особенности синтаксической организации высказываний, степень ритуализованности высказываний и т.д.), в том числе количественные характеристики (длина отдельного высказывания, количество реплик, употребляемых в различных ситуациях общения, лаконичность / многословие и т.д.);

— паравербальные (темп речи, громкость, тональность, допустимость и длина пауз, допустимость и роль молчания и т.п.);

— невербальные, включающие:

проксемию (использование пространства в процессе коммуникации, необходимый минимум личной территории, положение тела говорящего по отношению к слушающему),

кинесическое поведение (специфические жесты и частотность их использования, выражения лица, направленность взгляда, позы, телодвижения);

тактильное поведение (допустимость прикосновений и тактильные жесты).

При описании того или иного национального стиля коммуникации и присущих ему стилевых черт обязательным условием является указание на то, при сопоставлении с каким этностилем они выделяются. Так, русский коммуникативный стиль можно определить как более эмоциональный по сравнению с английским. В русской культуре приветствуется свободное проявление эмоций, эмоциональность, чувствительность, как правило, оцениваются положительно, сам русский язык предлагает большее количество средств передачи разнообразных эмоциональных состояний и отношений, чем английский. В английской культуре, напротив, важнейшими ценностями являются эмоциональная сдержанность и самоконтроль, свободное же проявление эмоций свидетельствует об эмоциональной незрелости и, как правило, порицается. Если же сравнивать русский стиль коммуникации с арабским стилем, то в этом случае он окажется менее эмоциональным. Как отмечает В.Э. Шагаль, арабы отзываются о русских (и о всех других европейцах) как о холодных, рассудочных людях [7. С. 90].

Как уже было сказано, важнейшим стилеобразующим фактором является культура, поэтому и объяснение особенностей того или иного стиля коммуникации следует начинать с основных характеристик изучаемой культуры. Так, если учащиеся — русские студенты, изучающие английский язык, то начинать нужно с объяснения того, что английская культура — это культура индивидуалистического типа, для которой характерна значительная дистанция, являющаяся, как известно, одним из основных параметров культур [9; 10], в результате чего важнейшей культурной ценностью является автономия личности, а вторжение в нее — грубым нарушением норм поведения. Сразу становится ясным, почему при общении с англичанами так важно соблюдать дистанцию.

Важно также обратить внимание на то, что для обозначения данной культурной ценности в английском языке имеется специальное слово *privacy*, точный эк-

вивалент которого отсутствует не только в русском, но и в других европейских языках. В зависимости от контекста это слово, как и его производные, переводятся на русский язык самыми разнообразными способами. Семантическое ядро данного концепта ярко раскрывается в надписи Private, которую можно увидеть на дверях, и в ее русском эквиваленте «Посторонним вход воспрещен». Соответственно privacy — это зона личной автономии, в которую посторонним вход воспрещен. Это касается всего — личной территории человека, окружающего его пространства, его собственности, жилья, личной жизни, планов, интересов, прав, чувств, желаний и т.д. Таким образом, ‘to respect somebody’s privacy’ — гораздо шире словарного перевода («не нарушать чьего-либо покоя»), это значит не только не приходить в гости без приглашения и не звонить в неудобное время, но и не приближаться слишком близко, т.е. строго соблюдать дистанцию (как пространственную, так и вербальную): в любой ситуации общения находиться дальше от собеседника, чем это принято в русской культуре, не проявлять интереса к его частной жизни, не касаться личных тем, не оказывать на него давления, не давать непрошенных советов, не делать замечаний, избегать критики, не перебивать, сдерживать свои эмоции и т.д., и т.п. Другими словами, вести себя так, чтобы *не за-деть* своего собеседника (а также окружающих) ни в буквальном смысле, ни словом, ни чувством.

Для соблюдения дистанции в вербальной коммуникации англичане широко используют хорошо разработанный набор конвенциональных стратегий, направленных на то, чтобы продемонстрировать собеседнику признание его независимости, личной автономии, заверить в отсутствии намерений со стороны говорящего нарушить существующие между ним и адресатом границы, а в случае необходимости покушения на свободу адресата минимизировать воздействие на него. Это такие стратегии, как выражайтесь косвенно; задавайте вопросы, будьте уклончивы; предоставляйте слушающему выбор, возможность не совершать действие; минимизируйте свои предположения о желании адресата совершить действие; будьте пессимистом; минимизируйте степень вмешательства; выводите говорящего и слушающего из дискурса [8; 3]. Данные стратегии нацелены на социальное дистанцирование, на создание коммуникативных барьеров, на то, чтобы не допустить сближения, показать наличие дистанции между собеседниками и таким образом продемонстрировать уважение друг другу.

Стратегии дистанцирования наиболее активно реализуются в побудительных речевых актах, представляющих собой угрозу для коммуникации, так как они связаны с оказанием воздействия на собеседника. При выражении прагматического значения *Я хочу, чтобы ты сделал это* англичане, в отличие от русских, практически не используют императивов, отдавая предпочтение косвенным высказываниям, содержащим вопрос о возможности или желании адресата совершить действие, т.е. на уровне семантики высказывания предлагается выбор — совершить действие или не совершать. Это относится даже к директивным речевым актам, в которых ситуативная опция отсутствует и реально никакого выбора, кроме как подчиниться, у адресата нет. Именно поэтому английский учитель может выра-

зять свою команду фразой *Would you like to write this exercise?* (*букв.* Хотели бы вы написать это упражнение?), а бизнесмен дать поручение секретарше в еще более изысканной форме: *Could you possibly type these letters?* (*букв.* Могли бы вы, возможно, напечатать эти письма?) и даже *Could I possibly trouble you to take a moment to do it?* (*букв.* Мог бы я, возможно, побеспокоить вас, чтобы вы уделите минуту, чтобы сделать это?). В восприятии русского человека речь в таких фразах идет о делах, которые могут подождать, и ради них не стоит отрывать от текущей работы.

Регулярное использование данных стратегий вежливости способствует выработке таких важнейших черт английского стиля коммуникации, как дистантность, коммуникативная неприкосновенность и неимпозитивность — недопустимость прямого воздействия на адресата либо сведение его до минимума в тех речевых актах, где это воздействие приходится оказывать. При этом важно подчеркнуть, что в той или иной степени они характерны для всех сфер общения англичан, включая интимные — общение с друзьями, общение в семье, что свидетельствует о том, что зона *privacy* оберегается и здесь: *Just wondering if you could give me a tinkle* (*букв.* Просто интересуюсь, мог бы ты мне позвонить) (сообщение другу на автоответчике) / *Do you think I could use your phone?* (*букв.* Ты думаешь, я мог бы воспользоваться твоим телефоном?) (просьба-разрешение позвонить в доме друга) / *Pardon?* (муж переспрашивает жену) / *Would you mind opening the window* (просьба жены открыть окно). Русскими коммуникантами, для которых в силу культурных причин характерен более прямой стиль коммуникации, подобные фразы воспринимаются как неуместные для данных ситуаций, чрезмерно формальные. Близость отношений позволяет игнорировать этикетные формальности при общении с друзьями и членами семьи, уместным является прямой, более естественный и менее церемониальный стиль поведения: *Перезвони мне, пожалуйста* / *Можно позвонить?/ Что? Что ты сказала?/ Открой, пожалуйста, окно.*

Помимо дистантности и неимпозитивности, английский стиль коммуникации характеризуют такие черты, как косвенность, неоднозначность, недоговоренность, некатегоричность, приоритетность формы над содержанием, ориентированность на собеседника, на сохранение лица, многословие, которые также связаны с вышеназванными стратегиями дистанцирования и вырабатываются в результате их регулярного использования: *Could I draw your attention to the blackboard?* (*букв.* Мог бы я привлечь ваше внимание к доске?) (преподаватель — студентам), *Would you kindly stop smoking, please? Thank you* (*букв.* Вы любезно пожелали бы перестать курить, пожалуйста? Спасибо) (замечание водителя автобуса закурившему пассажиру) / *Would you possibly be so kind as to point out where the underground station might be?* (*букв.* Не могли бы вы быть так любезны, чтобы показать мне, где находится станция метро?) (просьба к прохожему).

Отмеченные особенности английского стиля коммуникации полностью отражают английские коммуникативные ценности и соответствуют англо-саксонской культурной традиции, в которой, как отмечает А. Вежицкая, «подчеркиваются права и автономия каждого человека, которая не терпит вмешательства в дела дру-

гих людей, которая уважает частную жизнь, одобряет компромиссы и не одобряет любой догматизм... Чего англо-саксонская культура не терпит, так это попыток подчинить своей воле другого человека [11. С. 30—31]. Знание данных особенностей английского стиля коммуникации и их причин, помогают вести себя так, чтобы *не задеть* своего собеседника и строго соблюдать его коммуникативную *неприкосновенность*.

Отметим, что названные здесь черты не дают полного представления об английском стиле коммуникации и касаются лишь вежливости дистанцирования. Помимо них, существует ряд других, не названных здесь стиливых черт [6].

Обучение русскому языку иностранных учащихся, являющихся представителями западных культур (в первую очередь англо-саксонской), также следует начинать с информации о типе культуры, с того, что русская культура традиционно относится к культуре коллективистского типа, где ценятся близость отношений, солидарность, взаимовыручка, искренность, общительность, где личное пространство, гораздо меньше и оберегается не столь бдительно, соблюдение коммуникативной неприкосновенности не является обязательным условием бесконфликтного общения. Данные культурные особенности позволяют обращаться с просьбой или делать приглашение более прямо и даже настойчиво (ср.: *Just wondering if you could possibly help me with this translation.* — Помоги мне, пожалуйста, с этим переводом. *Я тебя очень прошу.* / *Would you like to come to my birthday party?* — Приходи ко мне на день рождения. Только обязательно приходи), делают допустимыми советы и замечания, в том числе незнакомым (Ты бы уж не читал сейчас. Глаза ведь портишь. — незнакомому ребенку в транспорте; Сумки поставьте. Тяжело ведь держать — женщине средних лет на остановке) и т.д. При этом важно отметить, что в русской культуре, как показывают исследования, совет, является скорее не актом вторжения в зону личной независимости собеседника, как это воспринимается англичанами, а во многих ситуациях актом заботы, внимания, проявления заинтересованности, желания помочь [1].

В результате русский стиль коммуникации, по сравнению с английским стилем является более прямым, импозитивным, эксплицитным, категоричным, информативным (ориентированным в большей степени на содержание, а не на форму), менее ритуализованным (для него характерна небольшая насыщенность нормами и нестрогое следование им), более лаконичным. Таким образом, если английская культура требует дистанцирования, русская допускает сближение и даже прикосновение, что позволяет назвать русский стиль контактным (в пространственном, вербальном и эмоциональном аспектах).

Данная информация о различиях в стилях коммуникации и их причинах существенным образом помогает иностранным учащимся адаптироваться к русской коммуникативной культуре, лучше понимать ее и действовать в ней. Ведь точно так же, как русскому человеку трудно выразить просьбу формулой *Would you mind helping me, please* и тем более *I am just wondering if you could possibly help me if it's not a big trouble of course*, которая во многих контекстах является вполне

уместной, представителям западной культуры трудно сказать прямо и кратко: Помоги, пожалуйста.

Обучение учащихся национальным стилям коммуникации, а также ознакомление с экстралингвистическими факторами, формирующими их, как показывает практика, помогает представить коммуникативное поведение представителей другой культуры в виде цельной и логичной системы, способствует преодолению этноцентризма, является эффективным способом формирования межкультурной коммуникативной компетенции, предполагающей умение интерпретировать и оценивать коммуникативное поведение партнера, исходя из особенностей не своей, а его культуры, а также умение адаптировать свое поведение к инокультурному контексту и делать это осознанно.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) В русской интерпретации термины Холла иногда звучат как «высококонтекстная культура» (high context culture) и «низкоконтекстная культура» (low context culture), что является калькой с английского языка. Однако думается, что в данном случае термины «ширококонтекстная культура» и «узкоконтекстная культура» в большей степени соответствуют русской языковой традиции, согласно которой контекст может характеризоваться как широкий либо узкий, а не высокий и низкий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Архипенкова А.Ю.* Выражение совета в английской и русской коммуникативных культурах: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2006.
- [2] *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. — М., 1990.
- [3] *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: Монография. — М.: Изд-во РУДН, 2003.
- [4] *Ларина Т.В.* Лингвокультурная коммуникативная интерференция // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц / Отв. ред. И.П. Кюльмоя. — Тарту, 2006. — С. 184—196.
- [5] *Ларина Т.В.* Этностилистика в ее коммуникативном аспекте // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. — 2007. — Т. 66. — № 3. — С. 3—17.
- [6] *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Языки славянских культур, 2009.
- [7] *Шагаль В.Э.* Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. — М.: Институт востоковедения РАН, 2001.
- [8] *Brown, Penelope and Stephen D. Levinson.* Politeness: Some Universals in Language Usage. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- [9] *Hofstede, Geert H.* Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. — Beverly Hills CA: Sage Publications, 1984.
- [10] *Cultures and Organizations: Software of the mind*. — London: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited, 1991.
- [11] *Wierzbicka, Anna.* Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction (2nd edn.). — Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.

DEVELOPING INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE THROUGH CULTURE SPECIFIC COMMUNICATIVE STYLE

T.V. Larina

Department of Foreign Languages
Faculty of Philology
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the problem of language and culture transfer which follows the process of intercultural communication and impedes understanding. It suggests that teaching communicative style which is shaped by cultural differences, communicative values, and politeness strategies helps students of the second language to understand the target culture and its people, to overcome ethnocentrism and negative stereotyping, to adapt their communicative behaviour to a new culture and as a result to develop their intercultural communicative competence.

Key words: intercultural communication, ethnocentrism, communicative transfer, intercultural communicative competence, culture specific communicative style.